

ТЕНЬ НАД МУЗЕЕМ

САФОНКИН КИРИЛЛ

Кирилл Сафонкин
Тень над музеем

«Автор»

2026

Сафонкин К. А.

Тень над музеем / К. А. Сафонкин — «Автор», 2026

В небольшом приморском городе происходит загадочное исчезновение — из городского музея пропадает редкая старинная брошь. На первый взгляд это обычная кража, но частный детектив Анна Морозова быстро понимает: за этим преступлением скрывается нечто гораздо большее. Чем глубже она погружается в расследование, тем больше странных совпадений и опасных людей появляется на её пути. Старые архивы, закрытые залы музея, исчезнувшие экспонаты и анонимные угрозы — всё указывает на сеть, которая много лет скрывалась в тени. Теперь Анне предстоит выяснить правду, даже если эта правда может оказаться слишком опасной. Иногда одна кража — это лишь начало. Иногда за музейными стенами скрывается целая тайна.

© Сафонкин К. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Возвращение	5
Глава 2. Музей шёпотов	11
Глава 3. Первая трещина	16
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Кирилл Сафонкин

Тень над музеем

Глава 1. Возвращение

Ветер с моря бил в лицо острыми, влажными порывами. Он пах водорослями, ржавчиной и рыбой; этот запах был почти физическим – казалось, солёный воздух просачивается сквозь одежду, оставляя на коже липкий след. Анна Морозова стояла на каменном парапете старой набережной и смотрела, как серые волны с гулом разбиваются о мол. Корабли у причала качались медленно и тяжело, словно ленивые животные, а чайки орали так, будто им жизненно важно перекричать шум прибоя. Десять лет она избегала этого города и клялась, что не вернётся. Здесь прошло её детство; здесь в старом доме на Рыбной улице умерли родители. Каждая улица хранила воспоминания, которые она предпочитала прятать: запах маминых духов, скрип лестницы, тихие разговоры родителей на кухне по ночам. После похорон она уехала в Москву и пыталась построить новую жизнь. Но Москва встретила её чужой и холодной: чужие лица в метро, случайные друзья, работа, требующая постоянных компромиссов. Сначала всё складывалось неплохо: она устроилась помощницей частного детектива в агентство на Арбате. С годами научилась вести наблюдение, работать с информацией, разговаривать с людьми так, чтобы они сами выдавали то, что скрывают. Она гордилась, что смогла вырваться из провинции. Но год назад агентство закрылось – хозяин проиграл важное дело влиятельному клиенту, на него обрушились иски и долги. Коллеги разбрелись кто куда, а вместе с ними исчезли связи, клиенты и хоть какая-то стабильность. Анна пыталась работать сама, но рынок был переполнен: десятки частных сыщиков, бывшие силовики, агентства с рекламой и офисами в центре. Конкуренция была жестокой, а ей не хватало ни капитала, ни громкого имени. Заказов стало всё меньше, а счета – всё больше. Москва, казавшаяся когда-то шансом, превратилась в тупик.

Возвращение домой стало вынужденным, но и странно притягательным. Город, который она когда-то ненавидела за тесноту и сплетни, теперь казался тихой гаванью. Здесь нет толпы сыщиков на каждый квартал. Здесь люди всё ещё ищут знакомое лицо, которому можно доверить тайну. Здесь можно попробовать начать заново, если хватит сил пережить прошлое.

Она приехала поездом ранним утром. Серое небо нависало так низко, что казалось – вот-вот коснётся крыш. Платформа пахла углём и сырой доской. Такси подкатило старенькое, с облупленной эмблемой на двери.

– Куда везти? – спросил водитель, мужчина лет сорока с усталым лицом.

– Рыбная, дом семнадцать, – ответила Анна.

Сначала она заехала к тёте Зое, маминой старшей сестре, с которой у них всегда были сложные отношения. Зоя встретила её на пороге в тёплом халате, с неизменным выражением строгой заботы.

– Анька... приехала, – произнесла она без особой радости, но и без холодности.

– Привет, тётъ, – Анна слабо улыбнулась.

– Заходи, раз приехала. Устала, небось?

Зоя накормила племянницу борщом, как будто Анна была всё тем же подростком. Потом долго ворчала:

– Всё бы тебе шпионские дела... Тут тихо. Люди живут спокойно, без этих ваших московских авантюр.

– Тётъ, спокойствие – понятие относительное.

– Ну-ну. Только смотри, чтобы не влезла куда не надо. Тут любят языками чесать.

Анна слушала, кивая. В детстве ей казалось, что тётя Зоя знает всё о городе – кто с кем поспорил, кто кому должен, кто в какие дела ввязался. Эта способность могла пригодиться.

Через пару дней она сняла жильё отдельно: мансарду в старом купеческом доме на Рыбной улице. Комната под крышей была странной: скошенный потолок, щели в полу, скрипучая лестница, но из окна открывался вид на порт и на серое море. Хозяйка квартиры, сухощавая пенсионерка, взяла деньги и почти не задавала вопросов – и это было именно то, что Анне нужно. Она повесила на дверь простую табличку: «Частное расследование – Анна Морозова». В маленьком городе новости разносятся быстрее, чем объявления в интернете. Но она всё-таки дала рекламу в местных группах и на городском форуме. Дни тянулись медленно. Анна бродила по улицам, заново знакомясь с местами: узкие переулки, облупленные фасады, рыбные ряды с запахом соли и дыма. Город изменился: стал старше, тише. Многие лавки закрылись, на месте кафе появились ломбарды и комиссионки. Но море осталось тем же – серым, холодным и бесконечно манящим.

Иногда её узнавали старые знакомые. У магазина она встретила Лену, бывшую одноклассницу:

- Анька! Ты вернулась?
- Похоже на то.
- Говорят, сыщиком стала?
- Частным детективом.
- Ну, у нас работы тебе не найти, скука смертная. Разве что кражи рыбацких сетей. Лена рассмеялась, но в её глазах мелькнул интерес.
- Хотя... ты же всегда любила копаться в чужих секретах.
- Работа как работа, – пожала плечами Анна.
- Смотри, город маленький. Тут всё помнят.

Эти слова застряли в голове. Город действительно помнит и не прощает ошибок. Вечерами она сидела за ноутбуком, перебирала старые дела, обновляла объявления, рассчитывала, как долго протянут оставшиеся сбережения. Деньги таяли: аренда, еда, реклама. Она понимала, что долго без работы не протянет. На третий день раздался звонок. Женский голос звучал вежливо, но тревожно:

- Анна Сергеевна? Вы занимаетесь расследованиями?
- Да. Кто звонит?

– Марина Сергеевна Головина, директор городского музея. Мне дали ваш номер в типографии. У нас... странная ситуация.

Анна мгновенно выпрямилась.

– Слушаю.

– Пропала ценная вещь из фондохранилища. Старинная серебряная брошь. Полиция говорит, что это ошибка учёта. Но я уверена – кража. Никто не верит, а я не знаю, к кому ещё обратиться.

– Расскажите подробнее, – попросила Анна, глядя на серое море за окном.

– Брошь XIX века, филигранная работа, одна из лучших в нашей коллекции. Дверь фонда закрыта, сигнализация не срабатывала, сторож говорит, что ночью всё тихо. Я готова заплатить, но нужно, чтобы кто-то посмотрел на это серьёзно.

Работа, наконец. И не бытовая мелочь, а что-то значимое.

– Я приеду завтра утром, – сказала она.

После звонка Анна долго сидела в тишине. Сердце билось чаще: шанс заявить о себе появился, но вместе с ним пришло тревожное предчувствие. Музей – ценности, связи, тайны. И те, кто владеют тайнами, редко рады, когда их тревожат. Вечером она снова прошла по городу: площадь с ржавым памятником морякам, мэрия с облупленной штукатуркой, пара кафе с теплыми огоньками, закрытая книжная лавка. Всё казалось знакомым, но выцветшим,

как старая фотография. Перед сном Анна собрала сумку: блокнот, фонарик, перчатки, фотоаппарат, набор отмычек «на всякий случай». Нарушать закон она не планировала, но привыкла быть готовой.

Утро встретило город туманом. Серое молоко расплзлось по улицам, пряча дома и портовые краны. Анна вышла пораньше: она любила приезжать на место до назначенного времени, чтобы осмотреться. На плече висела сумка с инструментами, в руке – термос с горячим кофе. Город просыпался нехотя: где-то грохотали ставни, открывались рыбные лавки, шуршали метлы дворников. Возле пристани ругались рыбаки, выгружая сети, – грубые голоса глухо звучали в тумане. Автобус до музея был старым, с облезлыми сиденьями и запахом дизеля. Пассажиры украдкой поглядывали на Анну, кто-то шепнул соседу: «Это Морозова, та самая... сыщик». Город быстро узнаёт новости. Музей стоял на возвышенности в конце старой улицы. Из тумана выростал внушительный особняк с колоннами и трещинами в штукатурке. Каменные львы у входа казались уставшими, будто за годы наблюдений видели слишком много. Сквер рядом был пуст, лишь мокрые лавки да редкие клумбы с выцветшими цветами. У парадных дверей ждала Марина Сергеевна Головина – женщина около сорока, с тонкими чертами лица и усталыми глазами. Её пальто казалось слишком лёгким для такой сырости, но она держалась прямо.

– Доброе утро, Анна Сергеевна, – сказала она, пожав руку. – Спасибо, что откликнулись так быстро.

– Доброе утро, – ответила Анна. – Расскажите, что произошло подробнее.

Они вошли внутрь. Здание встретило запахом воска, старого дерева и чего-то едва уловимо пряного – словно смесь морской соли и пыли. Полы скрипели, под потолком эхом гуляли шаги. Залы украшали картины штормов и кораблей, старые навигационные карты, портреты купцов.

– Посетителей сейчас немного? – спросила Анна.

– Сезон позже начнётся, – вздохнула Марина. – Зимой только школьники и редкие туристы. Бюджет урезали, выставки отменили.

Они поднялись по широкой лестнице на второй этаж. Стены были все с трещинами, кое-где проступал мох. Директор рассказывала историю здания: особняк купца Бекетова, национализация, годы забвения и медленное превращение в музей.

– Охрана у нас слабая, – призналась она. – Камеры давно сломаны, сигнализация старая, средств на замену нет.

Анна лишь кивнула, запоминая: это делает кражу куда проще. У двери фондохранилища их встретил Артём, хранитель. Худошавый, в сером джемпере, с взъерошенными волосами и недовольным взглядом, он выглядел человеком, которому всё это в тягость.

– Это Анна Сергеевна, частный детектив, – представила его Марина.

– Здравствуйте, – сказал он, чуть сжав губы.

Анна отметила раздражение: похоже, ему неприятно, что кто-то вмешивается. Фондохранилище оказалось просторным и мрачным. Ряды стеллажей уходили вглубь, скрытые полумраком. Здесь пахло старой тканью, металлом, пылью. Марина показала пустую бархатную подставку, где раньше лежала брошь. Анна присела на корточки, достала фонарик. Замок старый, с едва заметными царапинами вокруг скважины. Кто-то явно пользовался тонкой отмычкой или ключом-двойником. Сигнализация на стене выглядела древней, покрытой паутиной.

– Она срабатывала? – спросила Анна.

– Ночью нет, – ответила Марина. – Панель показывала, что всё закрыто.

Окна были забиты изнутри, стены толстые. Взломать снаружи почти нереально.

– Кто знает код? – спросила Анна.

– Я и Артём, – сказала Марина. – Раньше ещё главный хранитель, но он ушёл год назад. Мы меняли код, но... знаете, как это бывает.

Артём отвёл взгляд.

– Вы последний раз видели брошь когда? – спросила Анна у него.

– Неделю назад. Показал студентам, потом положил обратно. – Он замялся. – Я уверен... кажется, уверен. Анна отметила сомнение, но решила не давить.

Затем Марина провела Анну в мастерскую. Там за большим столом сидела Вера – реставратор, женщина лет пятидесяти с седыми прядями, в халате с пятнами клея. Она подняла глаза лишь на секунду.

– Вера Петровна, это Анна Сергеевна, – сказала Марина.

– К брошке? – тихо спросила Вера.

– К делу. – Анна присела рядом. – Вы давно её видели?

– Давно. Я в фонды без нужды не хожу. – Она пожала плечами. – Все знают, что вещь ценная. В каталогах есть.

Анна заметила руки женщины: тонкие, нервно дёргающие иглу.

– Артём оставляет дверь фонда открытой? —

– Бывает. Он рассеянный. Но я чужого не беру. – Вера говорила устало, без эмоций, словно давно привыкла оправдываться.

На лестнице они столкнулись с Ильёй, экскурсоводом. Высокий, темноволосый, с лёгкой улыбкой, он выглядел слишком непринуждённым.

– Здравствуйте! – сказал он тепло. – Вы к нам по делу?

– По делу, – коротко ответила Анна.

– Скучно без посетителей, – усмехнулся он и исчез в коридоре.

Анна отметила: легкомысленный, но наблюдательный. Сторож Семён сидел в своей маленькой комнатке у заднего входа. Мужчина лет шестидесяти с потрескавшимся морским лицом и руками, покрытыми шрамами. Он наливал себе чай из старого термоса.

– Доброго дня, барышня, – сказал он, пожимая Анне руку. – По ночам тут тихо. Коты разве что орут.

– Никого не видели? —

– Если бы кто ломал, услышал бы. А если свой, ну... своих я не проверяю.

Он говорил без страха, скорее с усталой иронией. Анна поняла: охрана тут – формальность.

Когда они вышли из музея, туман чуть рассеялся. Город проступил серыми домами с облупленными фасадами, мокрым булыжником, вывесками редких кафе. Анна почувствовала знакомую смесь раздражения и любопытства: место, которое казалось тесным, снова притягивало тайнами.

Дома, под стук дождя по крыше, она перебрала заметки:

– Замок – следы тонкой отмычки.

– Сигнализация – старая, возможен обход.

– Доступ – только у директора и хранителя.

– Персонал небольшой, но у каждого своя жизнь и мотивы.

– Полиция отмахнулась.

Она ощущала: под слоем рутинной провинциальной скуки скрывается что-то более опасное. Это расследование может стать шансом вернуть профессию – или втянуть в неприятности. Дождь начался внезапно, тяжёлый и колючий. Капли барабанили по крыше мансарды, пока Анна сидела за столом с чашкой чая и перечитывала заметки. Сырость вползала в комнату, заставляя плотнее закутаться в плед. Она снова открыла старый ноутбук и начала искать всё, что можно узнать о музее. Сайт выглядел бедно: устаревшие фотографии залов, несколько новостей о школьных экскурсиях и одну заметку о прошлогодней выставке ювелирных украшений. В архивах местной газеты нашла пару заметок десятилетней давности – тогда музей пытались закрыть из-за долгов, но вмешался мэр. Интереснее оказался старый форум, где обсуж-

дали «городские тайны». В теме о музее кто-то писал: *«Там давно что-то замышляют. Фонды ценнее, чем кажется. Директоры меняются часто, а вещи пропадают» *. Комментарии были датированы разными годами, но общий мотив повторялся: музей будто кто-то медленно «разбирает» изнутри. Анна сделала скриншоты, добавила в досье.

К полуночи туман за окном стал густым, и фонарь напротив светил мутным жёлтым кругом. Она собиралась ложиться спать, когда телефон завибрировал. Номер не определился.

– Морозова? – мужской голос был глухой, низкий.

– Да.

– Совет: не суй нос в чужие дела. Музей – не твоё место.

Гудки.

Анна застыла с телефоном в руке. Голос был ровным, без угрозы, но холодок пробежал по спине. Она быстро включила диктофон, но звонок уже оборвался. Номер оказался скрытым. Вдохнула глубже. В Москве её пытались запугивать пару раз, но здесь – не ожидала так быстро. Она допила чай, проверила, заперта ли дверь, и снова села за ноутбук. Записала звонок в журнал дела, добавила пометку: «кто-то знает, что я занялась расследованием». Ночь выдалась тревожной. Снились обрывки прошлого: дом родителей, голос отца, спор в кухне; школьный двор, где её дразнили «сыщицей»; морской туман, скрывающий чьи-то шаги.

Проснулась рано – в пять утра. Капли всё ещё стучали по крыше. Она вышла на балкон, завернувшись в одеяло. Город спал, только редкие фонари жгли бледный свет. Море шумело приглушённо, но упорно.

Анна достала блокнот и составила список:

1. **Марина** – директор, нервничает, возможно скрывает давление сверху.
2. **Артём** – рассеян, имеет доступ к фонду, мог забыть закрыть дверь.
3. **Вера** – отстранённая, но знает ценность экспонатов.
4. **Илья** – новичок, любопытный, неизвестно, зачем приехал.
5. **Семён** – старый сторож, может закрывать глаза.
6. **Кто-то** – звонит и предупреждает.

Она понимала: это больше, чем просто «ошибка учёта».

Днём она вышла в город. Дождь утих, остался сырой туман. Анна зашла в продуктовый – Там продавщица долго рассматривала её, а потом спросила:

– Вы детектив?

– Да.

– Слышала, в музее что-то украли. Оно вам надо? Тут... связываться опасно.

Анна лишь улыбнулась:

– Работа есть работа.

В маленьком кафе у порта бариста с якорем на запястье тоже глянула с интересом, но промолчала. Чувствовалось: город знает, чем она занята. На обратном пути её догнал мужчина в потертом плаще – высокий, сутулый.

– Анна? – спросил он негромко.

– Да.

– Я... когда-то работал в музее. Хранителем. Ушёл два года назад.

– И?

– Там много чего пропадало. Только никто не хотел связываться. Если вас предупредили – не шутят.

– Кто предупредил?

Он покачал головой:

– Тут все друг друга знают. Я сказал, что больше не хочу. И вам советую.

Он ушёл в туман, не назвав имени. Анна почувствовала холод в груди, но и азарт: если предупреждают – значит, она на верном пути. Вечером снова встретилась с тётёй Зоей. Та подала пирожки и строго сказала:

– Ань, я слышала, ты в музей полезла.

– Да.

– Будь осторожна. Тут давно говорят: кто туда лезет – неприятности находит.

– Кто говорит?

– Люди. Не лезь глубоко, если не хочешь врагов.

Анна только кивнула. Решение она уже приняла: отступить не собирается.

Поздно ночью она разложила на полу карты музея, планировки, найденные в сети. Отметила, где фонды, где выходы. Проверила список охраны, время обходов. Продумала, какие доказательства стоит искать: следы, журнал посещений, электронные ключи, камеры (если хоть что-то работает). Туман за окном снова сгустился, и в его белой пелене мерцал маяк. Город спал, но Анна чувствовала – её уже заметили. Она закрыла ноутбук, но сна не было. Мысли крутились: зачем брошь? Кто может стоять за этим? Почему полиция молчит? Кто звонил? И главное – почему в этом тихом городе всё так быстро становится опасным? Ответы ещё впереди. Завтра она вернётся в музей – начнёт настоящее расследование. Анна погасила свет, но оставила телефон под рукой. В темноте она почувствовала, как старый дом вздохнул – скрипнули доски, завывла вьюга в трубе. И в этот момент ей стало ясно: прошлое не отпускает просто так.

Глава 2. Музей шёпотов

Туман к утру стал редким и сизым, как дым от костра. Анна подошла к музею раньше открытия, держа в руках бумажный стаканчик с кофе. Каменные львы у входа выглядели так же уставшими, как вчера, но теперь на их спинах лежал тонкий слой росы. Здание в сером свете рассвета казалось ещё более чужим и тяжёлым – особняк, который держит в себе слишком много прошлого. Марина Сергеевна уже ждала её у парадных дверей. Директор выглядела собраннее, чем вчера: строгий костюм, волосы в аккуратный пучок, но в глазах оставалась тревога.

– Доброе утро, Анна Сергеевна, – кивнула она. – Проходите, нам нужно многое обсудить до того, как придут сотрудники.

Внутри пахло свежим воском и мокрым камнем. Ночью здесь явно убирались – на лестнице виднелись влажные следы швабры. Полумрак ещё не развеялся; редкие лампы горели желтовато, как свечи. Марина повела Анну не в фондохранилище, а в свой кабинет – небольшую комнату с книжными шкафами и старым письменным столом. На полках – альбомы по искусству, каталоги выставок, стопки папок. Окно выходило на серый дворик с облезлой беседкой.

– Я собрала всё, что может пригодиться, – сказала Марина, выкладывая на стол бумаги. – Инвентарные книги, ключи от подсобок, список сотрудников, кто имеет доступ в фонды.

Анна присела, медленно перебирая документы. Старые, потрёпанные инвентарные журналы соседствовали с распечатками из электронной базы.

– Вы ведёте учёт вручную и в компьютере?

– Да. Мы обязаны дублировать, но техника часто ломается.

Анна пролистала страницу за страницей: брошь фигурировала как «серебро, XIX век, филигрань». Запись о последней проверке стояла месяц назад – подпись Артёма.

– Полиция всё это видела?

– Просмотрели мельком. Сказали, что, скорее всего, ошибка каталога. – В голосе Марины прозвучала горечь. – Они считают, что мы «сами перепутали».

Анна подняла взгляд:

– А вы уверены, что брошь была на месте месяц назад?

– Абсолютно. Я сама показывала её журналистам, когда снимали сюжет о коллекции.

Они вместе прошли в фонды. Дверь та же – старая, потёртая. Анна снова проверила замок: тонкие царапины вокруг скважины были хорошо заметны при боковом свете. Она достала маленький фонарик, осветила щель.

– Ключей у вас два?

– Да. Мой и Артёма.

– Дубликаты?

Марина колебалась:

– Теоретически можно сделать... если дать ключ мастеру. Но я не делала. Артём... не знаю.

Анна провела пальцем по замочной скважине.

– Замок старый, сломать его тихо несложно. Но кто-то знал, что сигнализация не работает.

Она подошла к датчику: пластиковая коробка, потрескавшаяся, с тусклым индикатором.

– Кто обслуживает охрану?

– Частная фирма из города. Но они приходили последний раз весной.

Анна отметила: найти в документах контакты этой фирмы – обязательно. Залы музея просыпались медленно. По коридору прошёл Артём с охапкой папок, не глядя на Анну. Из

мастерской доносился скрежет – Вера уже работала, шлифуя какой-то раритет. Внизу слышался голос Ильи: он репетировал экскурсионный текст, иногда сбиваясь и тихо ругаясь. Анна решила пройтись по залам. Её интересовало не только место кражи, но и маршруты посетителей, камеры, точки, где можно незаметно исчезнуть. Экспозиция начиналась с морской темы: модели кораблей под стеклом, старые карты, дневники капитанов. За ними – витрины с ювелирными украшениями, среди которых когда-то лежала пропавшая брошь. Стекло было покрыто тонкими трещинами, будто его пытались протирать слишком грубо. Под каждой витриной – старенький сигнализационный датчик, некоторые явно не работали. Анна щелкала фотоаппаратом: замок, витрины, углы с камерами. Камеры выглядели мёртвыми – на некоторых провода свисали оборванными. Вскоре подошёл Артём.

– Вы что-то ищете? – спросил он сухо.

– Делаю фотофиксацию.

– Полиция уже всё посмотрела.

– Я не полиция.

Он помолчал, потом вдруг спросил:

– Вы правда думаете, что это кража?

– А вы?

– Я... не знаю. Но если пропало, виноват я. – Он горько усмехнулся. – Меня уволят.

Анна всмотрелась в его лицо: под глазами тени, руки дрожат. Не похоже на уверенного в себе вора – скорее на испуганного и выжатого человека.

– Кто-то мог знать о вашей рассеянности?

Артём пожал плечами:

– Все знают.

В мастерской Вера сидела за столом, склонившись над потрескавшейся рамой картины.

– Не слишком ли рано вы за работу? – спросила Анна.

– Тут всегда рано. – Вера подняла глаза, равнодушно посмотрела на неё. – Я привыкла.

Анна присела рядом.

– Вы давно здесь работаете?

– Двадцать лет. – Голос её звучал устало, но твёрдо. – Видела всех директоров, всех хранителей.

– И кражи?

Вера задержала взгляд:

– Были. Только никто не любит об этом говорить. Иногда пропадают вещи – и всё. Бумаги переписывают.

Анна насторожилась:

– Почему молчите?

– Потому что никому не нужно. – Вера чуть усмехнулась. – Директора боятся скандалов, мэрия – плохой репутации. А мы... мы просто работаем.

Она снова опустила взгляд на раму, давая понять, что разговор закончен.

На лестнице Анна встретила Илью. Он улыбнулся, но взгляд его был внимательным.

– Слышал, ищете брошь? – сказал он вполголоса.

– Слышал – значит, слухи ходят быстро.

– Город маленький. – Он пожал плечами. – Я тут недавно, но уже понял: музей хранит больше, чем показывает.

– В каком смысле?

– Здесь любят прятать. Не только вещи.

Он подмигнул и ушёл, оставив за собой запах дешёвого одеколона и лёгкую настороженность.

Анна отметила: Илья явно что-то знает – или хочет казаться знающим.

К полудню музей наполнился тихим гулом: пришла пара туристов, школьники с учительницей. Анна наблюдала, как они двигаются: никто не смотрит на камеры, никто не обращает внимания на витрины – все заняты фотографиями и разговорами. Украсть здесь что-то – проще, чем она думала. Она вышла во двор, чтобы подышать. Мокрые плитки блестели под редким солнцем. Из-под двери сторожки донёлся кашель Семёна.

- Ну что, барышня, нашли концы? – спросил он, высунувшись.
- Пока только запутались.
- Тут всегда так. – Он усмехнулся. – Музей старый, секретов много.

Анна прищурилась:

- Секреты – это какие?
- Разные. – Семён пожал плечами. – Были люди, которые копались... и пропадали.

Он сказал это спокойно, но глаза сверкнули усталой серьёзностью. К концу дня Анна поняла: дело сложнее, чем казалось. Это не просто вор, воспользовавшийся слабой охраной. Здесь – годы запущенности, тайн и негласных правил. Полиция явно не хочет связываться, а сотрудники либо напуганы, либо равнодушны. Она вернулась в мансарду поздно, с сумкой, полной записок и фотографий. Пока кипятился чайник, она разложила всё на столе:

- Фото замка и датчика сигнализации.
- Список сотрудников с краткими записками.
- Старые новости о пропажах.
- Имя фирмы, обслуживающей сигнализацию.

На отдельном листе написала: «Угроза вчера. Семён намекает на исчезновения. Вера говорит о старых кражах. Артём напуган. Илья – загадочен.» Город за окном тонул в тумане и редких огнях. Вдалеке гудел паром. Анна чувствовала: шаг за шагом она приближается к чему-то опасному – и захватывающему. Утро следующего дня встретило Анну редким солнцем, которое пробивалось сквозь туман, словно не решаясь окончательно вытеснить его. Она не спала почти всю ночь, перебирая записки и фотографии. Усталость давила, но азарт был сильнее. Она решила начать с того, что полиция проигнорировала – охранная система. Если сигнализация действительно не сработала, значит либо её отключили, либо она давно мертва. Фирма «Щит-Сервис» находилась на окраине города, в кирпичном здании бывшего цеха. Внутри пахло пылью и старым пластиком. За стойкой сидел мужчина лет сорока с мешками под глазами, в потерянном свитере.

– Добрый день. Я по поводу сигнализации музея, – сказала Анна, показывая удостоверение частного детектива.

- Музей... – Мужчина нахмурился. – Давненько к нам никто оттуда не обращался.
- Вы обслуживаете их систему?
- Теоретически, да. Договор старый. Мы ставили сигнализацию ещё лет десять назад.

Потом приходили пару раз для ремонта. Последний вызов был... – Он пролистал журнал. – Весной прошлого года. Поменяли блок питания и ушли.

- С тех пор – ничего?
- Нет. Они не платят за обслуживание регулярно. Говорили, что денег нет.
- Система рабочая?

Мужчина пожал плечами:

– Формально – да. Но если питание падает или датчики умерли, пока не вызовут, никто не поедет.

Анна показала фото потрескавшегося датчика:

- Узнаёте модель?
- Ох... это старьё. Чувствительные элементыдохнут за пару лет, если их не менять.
- То есть она могла не работать годами?
- Запросто.

Анна поблагодарила и записала контакты. Очевидно, сигнализация музея – мёртвая фикция. Возвращаясь в центр, она заметила, что за ней кто-то едет. Серый «Логан» медленно держался позади, потом сворачивал, когда сворачивала она. Анна проверила пару раз: случайность или слежка? Но после третьего поворота машина исчезла. Всё равно осадок остался.

В музее Марина встретила её тревожным взглядом.

– Вам звонили? – спросила Анна прямо.

Директор побледнела:

– Откуда вы...?

– Мне тоже звонили. Сказали – не соваться.

Марина сжала губы:

– Мне звонили вчера вечером. Мужчина сказал... «закрывать дело, иначе пожалеете». Я пыталась не придавать значения, но теперь... – Она опустила глаза. – Полиция бы только посмеялась.

– Кто-то явно следит за расследованием, – тихо сказала Анна. – И знает, что мы работаем вместе.

Марина кивнула, стараясь держаться, но руки её дрожали. Артём, напротив, выглядел раздражённым. Он встретил Анну в фондах:

– Вы собираетесь сделать из меня козла отпущения?

– Я ищу того, кто мог взять брошь, – спокойно ответила Анна. – Вы – последний, кто видел её.

– Так всегда! – сорвался он. – Все думают, что я вор, потому что я... невнимательный. Да, я забываю ключи, путаю записи. Но я здесь десять лет и ни разу не брал чужого!

– Тогда помогите найти, кто мог. Кто заходил в фонды без вас?

– Никто... – Он осёкся. – Хотя... иногда Вера просит открыть, если нужно реставрировать. Илья пару раз заглядывал, когда мы делали экскурсию для журналистов. Но это всегда при мне.

– Вера могла подделать ключ?

– Не знаю. Она многое умеет. – Он смял бумагу в руках. – Но она... она здесь с основания. Без неё музей бы рухнул.

Анна записала: Артём боится Веру, но и уважает. Вечером она решила поговорить с Верой ещё раз. Застала её в мастерской за реставрацией старой карты.

– Вы давно знаете Марину? – спросила Анна, будто, между прочим.

– С момента её назначения. Она из другого города, музей ей достался как чемодан без ручки. Хотела реформировать – но быстро поняла, что тут всё по-другому.

– По-другому?

Вера задумалась, потом тихо сказала:

– Тут есть вещи, которые лучше не трогать. В фондах полно артефактов без документов. Приносят, забирают... иногда просто исчезают. Старые схемы. Когда-то музей был местом, где прятали или перепродавали ценности. Потом всё стихло, но корни остались. Марина хотела порядок – и получила врагов.

– Кто эти враги?

– Я не спрашиваю. И вам не советую.

Анна почувствовала, как воздух в мастерской стал тяжелее.

Илья тем временем нашёл её сам, в коридоре.

– Ну что, нашли, кто украл? – спросил он с ленивой улыбкой.

– Пока только запуталась.

– Слушайте, я вчера видел, как вечером к музею подъезжала чёрная машина. Никого не высадили, просто стояла. Потом уехала. – Он наклонился ближе. – Тут много кто любит музей. Иногда слишком сильно.

– Почему вы мне это говорите?

– Просто... скучно без интриги. – Он подмигнул, но в глазах мелькнул страх.

Анна подумала: он играет в смелого, но чего-то боится. Позже, разбирая инвентарные записи, Анна заметила странность: за последние два года несколько предметов «списаны как утерянные» с одинаковой формулировкой – «повреждение при транспортировке». Подписывал их прежний директор и Вера.

Она пошла к Марине:

– Знаете, что за вещи списывали раньше?

– Слышала. Мне говорили, что это было до меня. Якобы перевозили экспонаты на выставку, часть повредили. Но документов нет. Я пыталась копать – наткнулась на глухую стену.

– Кто мог быть причастен?

– Старый директор... и, возможно, Вера. Она здесь всегда.

Марина замолчала, понимая, что сказала лишнее.

Поздно вечером Анна снова возвращалась домой пешком. Улица была пуста, только редкие огни в окнах. За спиной послышались шаги. Она резко обернулась – никого. Но чувство, что за ней следят, не отпускало. Дома, заперев дверь, она проверила окна, задернула шторы. Потом села за ноутбук и открыла карту города: отмечала адреса – музей, фирму охраны, место, где видела серый «Логан», квартиру бывшего хранителя (его имя удалось найти через старые записи). Телефон завибрировал: новое сообщение с неизвестного номера.

«Хватит копать, Морозова. Последнее предупреждение».

Без подписи. Без эмодзи. Просто холодный текст. Анна сидела несколько минут, глядя на экран. Потом выключила телефон и глубоко вздохнула. Страх был, но вместе с ним – злость. Она ненавидела, когда её пытаются запугать. Она достала из сумки маленький диктофон, проговорила вслух:

– Анонимные угрозы. Слежка. Кто-то с доступом к фондам. Полиция не вмешивается. Пропажи происходят годами. Кража броши – лишь верхушка.

Голос её был спокойным, но внутри росло напряжение. За окном туман снова сгустился. Маяк мигал редким светом, а где-то вдалеке гудел корабль. Анна поняла: это расследование – совсем не мелкая провинциальная кража. Тут переплелись старые схемы, страхи и интересы, которых лучше бы не трогать. Но она уже вовлечена. Она закрыла ноутбук и подумала о родителях. Как бы они посмотрели на неё сейчас? Наверное, сказали бы: «Не лезь». Но она знала – уже поздно. Завтра она собиралась найти бывшего директора музея и того загадочного бывшего хранителя. Ответы где-то рядом, и чем ближе она подходила, тем явственнее становилась тень, нависающая над музеем.

Глава 3. Первая трещина

Утро началось с сырого ветра, который приносил с моря неприятный запах водорослей. Небо низко нависало над городом, будто придавливая его к земле. Анна проснулась раньше будильника – привычка, выработанная за годы расследований. Телефон на тумбочке молчал, но она всё равно проверила: ни звонков, ни сообщений. Тишина после вчерашних угроз казалась неестественной. Она быстро заварила кофе, разложила на столе заметки. Сегодня план был прост: поговорить с двумя фигурами из прошлого музея – бывшим директором и тем хранителем, который уже однажды предупреждал её. Сначала – директор. Найти его оказалось несложно: фамилия мелькала в старых газетных заметках, а адрес – в базе открытых предприятий. Михаил Петрович Жаров. Его дом стоял на окраине: одноэтажный коттедж с облупившейся краской на ставнях. Двор зарос бурьяном. Дверь открыл высокий, седой мужчина в старом свитере.

– Вы к кому?

– Анна Морозова. Частный детектив. Я расследую пропажу броши из музея.

– Музей... – Он хмыкнул. – Ну-ну. Заходите.

Дом пах старыми книгами и морским песком. На стенах – фотографии: Жаров в молодости, рядом с витринами, с чиновниками.

– Чего вам надо? – спросил он, наливая чай без приглашения.

Анна решила говорить прямо:

– Я знаю, что при вас списывали вещи как «утерянные». Некоторые сотрудники намекают на тёмные схемы.

Он хмыкнул, но не удивился:

– Думал, рано или поздно кто-то полезет. Да, списывали. Потому что сверху требовали. Город – маленький, но жадных людей хватает. Иногда приносили вещи, говорили: «запиши, что нашли при раскопках». Через пару лет эти «находки» исчезали. Я пытался сопротивляться – но понял: потеряю работу, а может, и больше.

– Кто стоял за этим?

Жаров посмотрел в окно, где ветер гнал сухие листья:

– Разные люди. Чиновники, коллекционеры, кто-то из мэрии. Иногда – просто бандиты. В девяностые музей был удобным прикрытием для перепродажи антиквариата. Потом стало тише, но связи остались.

– А сейчас?

– Сейчас... похоже, снова зашевелились. – Он прищурился. – Я слышал, новый начальник охраны – человек не местный, но связан с кем-то серьёзным. И если ты расследуешь, то... «будь осторожна».

– Вам угрожали?

– Оооо, не раз. Потому и ушёл.

Анна записала каждое слово.

– Что вы знаете о Вере?

– Вера... она умная и выносливая. Видела всё. Но у неё двойная игра. Она может помогать, а может не обращать внимания, если ей это выгодно конечно.

Жаров встал, подошёл к окну.

– Послушай, девочка. – Его голос стал тише. – Я пытался бороться с этим. Чуть не потерял семью. Здесь всё связано: музей, власть, бизнес. Они все заодно, если с ними и бороться, то нужны подвязки где-то выше. Если начнёшь развязывать клубок на нитки – потянешь тех, кто не любит свет.

Анна кивнула, но в её глазах зажгётся огонёк.

– Спасибо за честность.

Когда она уходила, он ещё крикнул из-за двери:

– Морозова! Если позвонят – не спорь. Иногда лучше отступить.

Вторая цель – бывший хранитель, тот самый мужчина в плаще, что предупреждал её в тумане. Его звали Геннадий Лапшин, она нашла его адрес через налоговые записи: старая квартира в центре. Дверь открыл всё тот же сутулый человек, но теперь без плаща, в вязаном свитере. Он узнал её сразу.

– Я говорил, не лезь в это дело.

– К сожалению, а может и нет, но лишком поздно. Теперь мне нужны только ответы.

Он впустил её с неохотой. В квартире пахло лекарствами и кошачьим кормом. На диване спала полосатая кошка.

– Чего ты хочешь?

– Знать, что творится в музее. Кто ворует и почему власть в городе с этим не борется.

Лапшин тяжело вздохнул:

– Раньше было проще. Мы знали: приходит «гость» сверху – отдаёшь вещь, получаешь молчаливое «спасибо». Потом стали списывать официально. Я устал от всего это и вынужден был уйти.

– Кто руководил?

– Никто прямо не назывался. Приходили люди в дорогих пальто, с папками. Могли быть из администрации, могли – из коллекционеров. Иногда – кто-то с криминалом за спиной.

– А сейчас?

– Говорят, новый игрок появился. Деньги большие, ищет редкости. Брошь – сигнал: он забирает, что хочет.

– Как его зовут?

– Понятие не имею. Но те, кто раньше «решал», теперь сами боятся.

Анна заметила, как он нервно потирает руки.

– Вам угрожали?

– Дважды. Сказали: забудь, что видел. А я и рад все это забыть и жить спокойной, полной жизнью. Честно сказать была бы возможность, я давно бы уже уехал из данного города.

Она почувствовала к нему жалость и гнев на тех, кто держит город в страхе.

Перед уходом Лапшин добавил:

– Если ищешь правду – не доверяй никому. Ни Марине, ни Вере, ни Артёму. У каждого свои секреты и поверь мне, никто из них дельного не скажет. Так как у каждого кто до сих пор в музее имеются свои интересы.

Когда Анна вышла из подъезда, на улице уже сгустился туман. Она заметила: у тротуара стоит тот самый серый «Логан». В салоне – силуэт мужчины с капюшоном. Как только их взгляды встретились, машина мягко тронулась и уехала, оставив за собой копоть дыма. Анна почувствовала холодок в животе, но заставила себя идти дальше, при этом не ускоряя шаг. Этим действием она хотела показать, если кто то еще наблюдает, что она не испугалась. Дома она устроила настоящий штаб: на стене висели распечатанные фото, схемы зала, имена и стрелки, соединяющие их.

– Марина – хочет реформ, боится угроз.

– Артём – уязвим, но может быть пешкой.

– Вера – хранительница тайн.

– Жаров – бывший директор, знал схемы, ушёл под давлением.

– Лапшин – бывший хранитель, напуган, говорит о «новом игроке».

Она подписала: «Кто заказал брошь?» и оставила вопросительный знак. Поздно вечером в дверь тихо постучали. Анна замерла. Медленно подошла, посмотрела в глазок – никого. Только пустой коридор. Она с осторожностью открыла дверь, на коврике лежал конверт без

подписей. Внутри – старая фотография музея, на обратной стороне надпись: «Ищи там, где тень». Бумага пахла сыростью. Анна почувствовала лёгкий озноб. Она развернула карту музея: «тень» – что это? Возможно, намёк на подвал или закрытый зал? Сердце забилось быстрее. Это была первая конкретная подсказка, а не угроза, но кто этот доброжелатель, почему он не скажет ей лично это. Очень странно. Ночь прошла тревожно. Анна пыталась вспомнить, видел ли она в фондах места, куда не пускают. Вера говорила про «то, что лучше не трогать». Может, там скрыта вся правда? Она заснула под утро, сжимая фотографию в руке. Утро выдалось туманным и влажным, словно город решил скрыть всё ненужное от посторонних глаз. Анна шла к музею медленно, прижимая к груди папку с фотографиями. Внутри уже горел свет – Марина пришла раньше.

Директор встретила её растерянным взглядом:

– Вы сегодня рано...

– Нашла кое-что, – Анна положила на стол фотографию с надписью «Ищи там, где тень». – Кто-то подбросил ночью.

Марина побледнела:

– Что это значит?

– Думаю, намёк на место в музее. Может, тайное помещение или старый зал. Вам что-то говорит слово «тень»?

Марина задумалась:

– Раньше у нас была закрытая экспозиция – «Зал Тени». Хранили предметы, которые не выставлялись. Но он закрыт лет десять. Там склад старых витрин и сломанных манекенов.

– Где он?

– Под основным зданием. Вход через технический коридор в фондах.

Анна почувствовала прилив адреналина.

– Мне нужно туда попасть.

Марина замялась:

– Он официально закрыт. Там небезопасно – проводка старая, полы гнилые.

– Я осторожно, – твёрдо сказала Анна.

Они шли по узким коридорам фондов. Лампы моргали, воздух становился всё более тяжелым. Марина явно нервничала: оглядывалась, шептала что-то себе под нос. Дверь вела в старый каменный коридор. На ней висел ржавый замок, но ключ подошёл легко.

– Я думала, его давно запаляли, – тихо сказала Марина.

За дверью пахло плесенью и сыростью. Узкая лестница спускалась вниз. Анна включила фонарик – луч выхватывал обломки витрин, сломанные стеллажи, покрытые пылью ящики.

– Вот он... Зал Тени, – прошептала Марина.

Внутри было странно тихо. Пыль лежала ровным слоем, но кое-где виднелись свежие следы обуви. Анна присела, коснулась отпечатка: недавний.

– Кто сюда мог заходить?

– Никто... у нас нет причин сюда спускаться, – растерянно сказала Марина.

Анна двинулась дальше. Фонарик выхватывал старые манекены без рук, ящики с этикетками, потускневшие картины. Атмосфера была жуткой – словно музей прятал свои собственные страхи. В дальнем углу стоял массивный шкаф, накрытый брезентом. Анна потянула его – дверцы скрипнули. Внутри – пусто, кроме старого инвентарного журнала. Она пролистала страницы: последние записи датированы пятью годами назад. Но на последних листах – чёткая новая строчка: «Брошь. Серебро. Камеи. Передать по распоряжению». Подписи нет.

Анна замерла.

– Марина, вы это видели?

– Нет... – Директор побледнела. – Я сюда не спускалась.

– «Передать по распоряжению» ... чьё распоряжение?

Ответа не было. Только гул в темноте. Внезапно сверху слышались шаги. Анна быстро выключила фонарик. Они с Мариной замерли, прислушиваясь. Кто-то медленно шёл по коридору.

– Кто здесь?! – крикнула Марина, но голос её дрогнул.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.